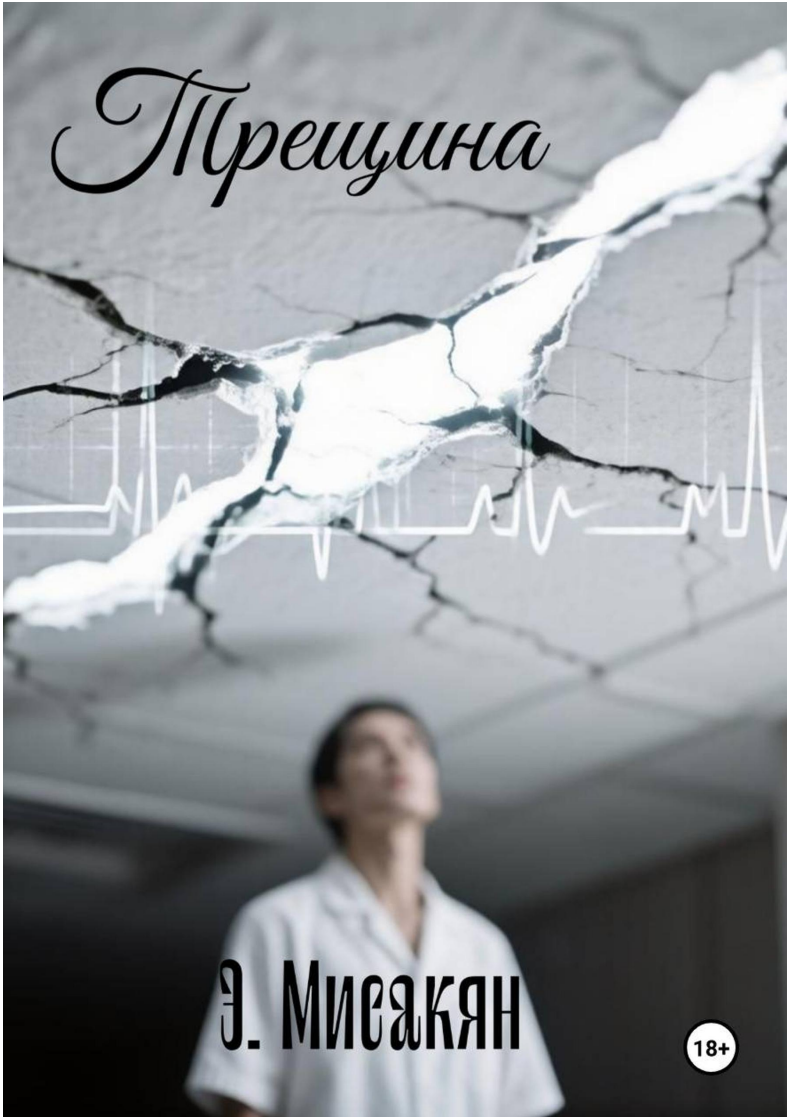

Трещина
Э. Мисакян
18+

Эдуард Мисакян
Трещина

https://litres.ru/74861788
SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ «Трещина» — это пронзительное повествование о человеке, попавшем в больницу во время пандемии коронавируса. Через его ощущения — тошноту, слабость, страх, нежелание есть и переодеваться — раскрывается внутренний мир пациента, который боится не столько вируса, сколько больничных стен, одиночества и возможности не вернуться домой.

Параллельно автор показывает молодого врача Илью, который разрывается между медицинскими критериями и бюрократической «арифметикой» распределения коек. Его профессиональная дистанция — лишь тонкий лёд, под которым кипят гнев, жалость и бессилие.

Рассказ поднимает вечные темы: хрупкость жизни, страх смерти, человеческое достоинство перед лицом болезни, а также вопрос о том, может ли медицина когда-нибудь победить природу — или же человечеству суждено лишь «смиренно нести это бремя». Название «Трещина» символизирует и трещину на потолке, и трещину в человеческой душе, и ту тонкую грань между жизнью и смертью, которую каждый проходит по-своему.

Эдуард Мисакян
Трещина

Трещина.

Пролог.

Иногда мне кажется, что где-то там, в небесной канцелярии, действительно вершится судьба человечества. Словно раз в столетие нам посылают испытание: то чуму, то холеру, то оспу. В начале XX века — «испанка», в наши дни — коронавирус. И возникает ощущение, что оттуда, сверху, кто-то невидимой рукой регулирует численность людей на Земле. Как только нас становится слишком много, словно переступая некую заветную черту, тут же появляется новая болезнь или война, которая безжалостно косит человечество.

Согласно большинству современных оценок, от «испанки» умерло от 50 до 100 миллионов человек по всему миру. Некоторые источники приводят более широкий диапазон — от 25 до 100 миллионов. Для сравнения, на тот момент это составляло примерно 2,5–5% от всего населения Земли.

По последним оценкам Объединённой программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС), с начала эпидемии от болезней, связанных со СПИДом, умерло около 42,3 миллиона человек.

А по официальным данным на 2024–2025 годы, в ми-

ре подтверждено более 7 миллионов смертей от COVID-19. ВОЗ отмечает, что из-за недоучёта и различий в системах здравоохранения разных стран истинное число жертв может быть значительно выше и оценивается примерно в 14–18 миллионов человек.

Уверен: если бы медицина научилась побеждать коронавирус так же, как когда-то научилась обуздывать оспу или чуму, там, наверху, наслали бы нам новый вирус. И борьба с такими болезнями кажется бесполезной. Остаётся только ждать и готовиться к неизбежному. Человечество вряд ли когда-нибудь сможет укротить природные стихии и катаклизмы. Поэтому нам остаётся лишь смиренно и кротко нести это бремя.

Волна коронавируса схлынула, но осадок остался. Какие ещё вирусы и болезни дремлют в природе, свернувшись в тугую пружину, и ждут своего часа? Какие из них однажды проснутся? Об этом знает только Бог…

1.

Я помню тошноту. Она длилась уже неделю — не та, что гонит в туалет, а низкая, катящаяся, как на корабле, который никак не причалит. Я не мог есть. Пил чай и смотрел в потолок. Потолок был белый, с трещиной в углу, и я помню, как подумал: если я умру, трещина останется. Кто-то другой будет смотреть на неё, пить свой чай и не будет знать, что здесь лежал я.

Я не мог есть. Совсем. Жена ставила передо мной тарелку,

и я смотрел на неё, как на что-то чужое. Она говорила: «Ну хоть ложку». Я брал ложку, подносил ко рту и не мог. Не то чтобы противно — просто тело не хотело. Как будто внутри всё уже было занято чем-то другим. Тошнотой, слабостью и страхом, который я тогда ещё не признавал.

Я пил чай. Много чая. Он был тёплый, сладкий, и на секунду становилось легче. Потом опять. Я смотрел в потолок. Трещина была длинная, изогнутая, похожая на реку на карте. Я думал: вот моя река, мой маршрут. Я никуда не плыву, я просто лежу, и река надо мной.

На вызов приехала женщина лет сорока пяти. Потом я узнал, что это была заведующая поликлиникой. Редко встретишь таких людей: внимательных и эмпатичных. Она не торопилась. Сняла пальто, хотя в прихожей было холодно. Села на стул рядом с кроватью — не на край, а основательно, как садятся в гостях, когда собираются слушать долго.

Она спросила, как я дышу, и я ответил, что нормально. После этого она попросила меня подышать глубоко; я подышал, она слушала, а потом спросила, что я чувствую. Я сказал, что меня тошнит. Когда она уточнила, как давно это началось, я ответил, что неделю назад; она кивнула и замолчала. Просто сидела и смотрела на меня, и я вдруг почувствовал, что могу говорить. И говорил ещё минут пять: о том, что не могу есть, не сплю, что потолок надоел и трещина в углу, что чай остывает, а я всё равно пью.

— Я был в Институте здоровья, мне проверили лёгкие. В

медицинском заключении написали: поражено 20% лёгких.

Она выслушала всё. Потом сказала:

— Лучше будет, если вы ляжете в больницу.

— А какой смысл? — спросил я.

— Там вы будете под наблюдением врачей. У вас, правда, лёгкие не сильно повреждены, всего двадцать процентов. Но вы же всё равно чувствуете себя неважно.

Мне так не хотелось ложится в больницу. Не знаю, откуда это взялось. Может, от температуры; может, от тошноты, которая не проходила неделю; может, от того, что я всю жизнь боялся больничных коридоров — запаха хлорки, чужих лю-

дей в масках, звука каталки; а может, от того, что я больше не вернусь назад.

В детстве я лежал в больнице не раз. Мне было девять. Мама ушла вечером, и я остался один в палате с двумя сверстниками. Я лежал и думал: если я умру, мама придёт утром и не застанет меня. С тех пор больница для меня — это не лечение. Это место, где ты остаёшься один.

Было такое ощущение, как будто я прощался с домом, с женой.

Я согласился. И тут же испугался. Не вируса — больницы. Говорили — оттуда не возвращаются.

У меня закружилась голова. Я присел — вернее, опустился на колени, будто ноги подгибались. Она взяла шприц, сделала укол. Я почувствовал, как страх отпускает — медленно, как вода из ванны. Сначала уходит из головы, потом из груди, потом из рук. Руки стали тяжёлыми. Голова стала пустой. И стало почти хорошо.

— Вы не волнуйтесь так — сказала она. — Всё будет хорошо.

Я кивнул. Но про себя подумал: «Наверно, я больше не вернусь домой никогда». Я посмотрел на трещину. Она останется. Я — нет. Так мне тогда казалось.

… В это же время в ординаторской молодой врач заполнял таблицу. В графе «поражение лёгких» он поставил: «20%». В графе «госпитализация» — «рекомендована». Рядом лежала пачка таких же листов. Он знал: если поставить «не критич-

но», человека отправят домой. Если «рекомендована», положат. Между этими двумя словами была не медицина, а очередь, койки, чей-то страх и чья-то подпись. Наверно, всё-таки была свободная койка.

Его звали Илья. На вид ему было около двадцати пяти. Он работал в этой больнице третий месяц после ординатуры и всё ещё не привык. Не к болезням — к бумагам. Болезни были понятны: сатурация, температура, поражение. А в бумагах он терялся: там живой человек превращался в строку отчёта. Каждая строка означала занятое место — койку. Строки приходилось сортировать: решать, чья строка важнее, кого можно выписать, а кого оставить.

Он устал. За окном было серо. В коридоре пахло хлоркой — не резко, а как-то затхло, как будто хлорка уже давно не справлялась и просто делала вид. Он налил себе кофе. Кофе был горячий, но он всё равно выпил половину залпом, потому что знал: через минуту придёт медсестра и позовёт. Так и случилось. Медсестра сказала: «В восьмой кашляет, посмотрите». Он кивнул, дописал и пошёл.

В палате лежал мужчина лет пятидесяти. Молчаливый. Он не жаловался, просто лежал и смотрел в стену. Илья послушал его, измерил сатурацию, записал. Сказал: «Всё нормально?» Мужчина кивнул. И снова отвернулся к стене.

Илья вышел в коридор. И тут услышал стон из седьмой — тонкий, длинный, как нитка, которая не рвётся. Он постоял, потом зашёл. В седьмой лежал парень лет тридцати пя-

ти, худой, серый. Он стонал, не открывая глаз. Илья знал из бумаг: Анатолий Сергеевич. Тридцать пять лет. Двусторонняя пневмония. Он постоял минуту, потом вышел. Ничего нельзя было сделать. Он записал: «Состояние тяжёлое. Наблюдение».

Он не знал, что через час в восьмую положат человека, который будет пялиться в потолок и думать о своём. Он не знал, что этот человек будет лежать в брюках и рубашке, потому что не сможет переодеться. Он не знал, что этот человек будет бояться не вируса, а больницы. И что этот страх будет сильнее вируса.

Он вернулся в ординаторскую. Кофе остыл. Он всё равно допил. Потом взял следующую пачку листов.

2.

Больница всегда действовала на меня гнетуще. Мрачно. А в этот день — особенно. Все окна и фрамуги были закрыты. Врачи и медсёстры ходили в «скафандрах». Я не сразу понял, что это они. Сначала мне показалось, что это люди из другого мира. Белые, без лица. Только глаза за стеклом. Они ходили медленно, потому что в скафандрах быстро не пойдёшь. И от этого казалось, что время здесь идёт по-другому. Медленнее.

Я стоял в коридоре и боялся сделать лишнее движение. Казалось, если я шагну не туда, этот другой мир окончательно сомкнётся вокруг меня, и обратной дороги уже не будет. Из-под белых комбинезонов доносились приглушённые го-

лоса — не слова, а будто шорох ткани и короткие сигналы приборов. Люди в скафандрах не разговаривали со мной, только кивали и указывали перчаткой направление. От этого я чувствовал себя не пациентом, а предметом, который аккуратно перемещают из одного помещения в другое.

В палате всё было чисто, аккуратно. Клопов и тараканов не было. Врачи и медсёстры делали всё возможное и даже невозможное. Было так тихо, что звенело в ушах. Окно было закрыто наглухо, и за стеклом мир казался плоским и ненастоящим, как декорация. Я лежал и слушал, как где-то капает вода, как скрипит колесо каталки, как через равные промежутки времени срабатывает аппарат. Время действительно шло иначе: не минутами, а какими-то длинными, вязкими отрезками. Я успевал подумать о многом, прежде чем за окном менялась тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.